

Заглавие документа: Половцев, Д.О. Вильнюс в «Сказках старого Вильнюса» Макса Фрая / Д.О. Половцев // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 2. Национальные формы художественной культуры в процессе межкультурного взаимодействия / редкол.: Э.А. Усовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2016. – С. 331–337.

Автор: Половцев, Денис Олегович

Тема: Зарубежная литература

Дата публикации: 2016

Издатель: Издательство «Колорград»

Аннотация: «Сказки старого Вильнюса» Макса Фрая (известно, что под настоящим псевдонимом «кроется» Светлана Мартынчик, проживающая в настоящее время в городе Вильнюсе) – фантастические рассказы, представленные – до сих пор – в трех томах, изданные в 2014 году. Вильнюс в «Сказках старого Вильнюса» абсолютно разный, его перцепция варьируется исходя из социального статуса героя, его возраста и предпочтений.

ВИЛЬНЮС В «СКАЗКАХ СТАРОГО ВИЛЬНЮСА» МАКСА ФРАЯ

«Сказки старого Вильнюса» (далее – «Сказки...») Макса Фрая (известно, что под настоящим псевдонимом «кроется» Светлана Мартынчик, проживающая в настоящее время в городе Вильнюсе) – фантастические рассказы, представленные – до сих пор – в трех томах [1 – 3], изданные в 2014 году. Вот что в аннотации про них пишет сам автор: «В центре города Вильнюса ровно сто восемь улиц. И если ходить по ним достаточно долго, то есть почти каждый день на протяжении нескольких лет, на некоторых улицах можно стать свидетелем удивительных историй. А на некоторых – даже их участником. В подобных случаях, я знаю, обычно говорят – дескать, такие истории могли, конечно же, произойти где угодно. Но мы этого утверждать не станем – зачем же людей обманывать? Нет уж, эти истории могли случиться **только у нас в Вильнюсе**. И только гуляя по улицам здешнего Старого города, можно было их сперва услышать, а потом записать [выделено нами. – Д.П.]» [1, с. 4].

Первый том состоит из двадцати четырех историй, во второй том, как и в третий, вошла двадцать одна. Отметим, что название каждой истории-сказки имеет особенности: оно состоит из названия улицы и непосредственно своего собственного (под)названия. Например, «Улица Даукшос (M. Daukšos g.). Черные и красные, желтые и синие» [1], «Улица Палангос (Palangos g.).

¹ По этому поводу в аннотации к третьему тому автор указывает, что «это уже третий том “Сказок старого Вильнюса”. И много еще впереди» [3, с. 4].

Например, позавчера» [2], или «Улица Аушрос Варту (Aušros Vartų g.). После того, как всё...» [3] и т.д.

Это «**только у нас в Вильнюсе**» делают эти сказки – нет, не особенно литовскими – а именно вильнюсскими, напитанными духом, причудами, энергией и запахами этого города.

Как вспоминает рассказчик сказки «Улица Басанавичяус (J. Basanavičiaus g.). Шесть комнат» [1], «город оказался невелик <...> и неожиданно обаятелен» [1, с. 28]. Герой бродил по Старому городу, разглядывал дома, смотрел, запоминал. Он «думал – кому, как не мне, разгадать тайну обаяния этого города, вывести формулу его неброской, неочевидной, дурманящей кровь красоты? Но быстро понял: это никому, никогда не удастся» [1, с. 30]. Вильнюс, который представляет собой город-сказку сам по себе, приглянулся герою почти сразу же, станет в дальнейшем его Домом.

Героиня сказки «Улица Якшто (A. Jakšto g.). Драконов огонь» [2] открывала для себя Вильнюс по-другому. Ее первоначальное восприятие города оказалось не таким, каковым она себе представляла. Ее муж Димыч до переезда в Вильнюс рассказывал о «городе, стоящем среди лесов, в трехстах километрах от Балтийского моря <...>. Съездил туда на несколько дней в начале мая, и в его подробном отчете фигурировали черепичные, ясен пень, крыши, сладкая кипень цветущих садов, сияющие купола храмов, темное золото речных вод, туманы, струящиеся с вершин окрестных холмов, старинные ворота, волшебные дубравы, колокольные трели, островерхие башенки» [2, с. 459]. Димыч почувствовал, что попал в другую, волшебную страну. Он впервые жил в городе, где ему все нравилось и ничего не раздражало. Димыч чувствовал себя просто потрясающе. Однако его жена приехала позже и у нее отношения с городом не сложились. «Старый центр оказался довольно красив, но запущен, местами – до полного безобразия <...>. Совершенно не понимала, что он нашел в унылом провинциальном городке, который даже по сравнению с соседней Ригой выглядел совершенно непрезентабельно» [2, с. 462 – 464]. По вечерам муж, придя с работы, рассказывал ей истории о парящих над Вильнюсом воздушных змеях, разноцветных фонарях во дворах, молочно-белом тумане. Героиня же все равно продолжала видеть город только своими глазами: «Кряжистые мордатые тетки в разноцветных пуховиках, коротко стриженные юноши, разгуливающие по центральному проспекту в спортивных костюмах, алкаши, копошащиеся в мусорных баках – и не в каких-нибудь неблагополучных спальных районах, а в самом центре Старого города <...>. Поддатые торговки на цветочном рынке рядом с домом – у таких и картошку-то покупать не захочется. Но хуже всего – кошмарные дешевые пивные, заполонившие город, буквально в каждом квартале хоть одна да найдется» [2, с. 465]. Героиня не понимала, зачем они с мужем переехали жить в этот «задрипанный городок». С каждым днем неприятных людей на улицах становилось все больше и больше. Апофеозом явилась следующая сцена, когда Димыч попросил жену купить в аптеке таблетки от головной боли: «Тщедушный мужичок неопределенно помятого возраста – от тридцати до шестидесяти – что-то еще лопотал, пытался взять под

локоток, совал в лицо пластиковый стакан с пивом, добродушно предлагая отхлебнуть <...>. – Да оставь поню в покое, – вмешался один из его приятелей, такой же коренастый и лысоватый. – Не видишь, из аптеки вышла, гондонов прикупила, к хахалю спешит. Заржали» [2, с. 470]. После вышеописанной сцены у героини случилась истерика. Вечером Димыч уговаривает жену совершить променад. Выйдя на улицу, она услышала, что в городе звонили колокола. Героиня впервые замечает давно раскрашенную дверь подъезда соседнего дома, увидела и синих бумажных птиц на дереве, керамического ангела на перилах балкона. Вместо забегаловки находится отличный ресторан. Героиня нашла в себе внутренние резервы посмотреть на город другими глазами, а он, раскрывшись по-иному, в свою очередь, преобразил ее внутреннее пространство.

Вильнюс в «Сказках...» предстает и как город-сон, который все еще снится древнему князю Гедиминасу: «И вот какой прекрасный город приснился князю, – заключает дед из сказки “Улица Кривю (Kriviu g.). Халва в шоколаде” [1] – сделав широкий жест рукой <...>. Другого такого города-сна на всем белом свете больше не осталось» [1, с. 194 – 195]. Вильнюс для Люси из вышеупомянутой сказки «навсегда стал <...> суммой множества разных городов, по большей части удивительных. К примеру, в одном из них по вечерам загорались электрические фонари, в другом люди до сих пор ходили по улицам с горящими факелами, в третьем выращивали специальную породу ночных собак-поводырей <...>, в четвертом над городом летали воздушные змеи из светящейся бумаги, жители пятого покупали в аптекарских лавках очки с волшебными стеклами» [1, с. 191]. Вполне естественно, что у Люси в голове «превосходно уживались десятки **одновременно сосуществующих Вильнюсов**, почти не пересекающихся, но каким-то удивительным образом сливающихся в один многомерный город; большинство виленчан даже не подозревали и близости иных пространств [выделено нами. – Д.П.]» [1, с. 192].

А вот таким Вильнюс предстает в сказке «Переулоч Пасажо (Pasažo skg.). Черный Ветер» [2]: «Город взорвался вишневым и сиреневым цветом, укрылся пыльным зеленым бархатом лета, успокоился, согрелся, потускнел» [2, с. 173]. Такой (в этой же сказке) является литовская столица весной: «на всех углах открыто целовались пьяные от солнца парочки <...>, застрявшие в пробках водители фальшиво подпевали дорогим стереосистемам, солидные мужчины на ходу расстегивали пальто, осторожно разминая отвыкшие от улыбок рты, длинноногие старшеклассницы зябко ежились в куцых курточках из “Зары”, неловко заигрывали с мальчишками, возбужденными, взъерошенными и храбрыми, как оголодавшие воробьи. У тех и других были отчаянные глаза, нежные обветренные губы и тонкие детские шеи» [2, с. 181 – 182]. Вильнюс в настоящем описании предстает живым организмом, возрождающимся после зимней спячки.

Два приятеля из сказки «Улица Исландийос (Islandijos g.). За черной-черной стеной» [3] вообще «пишут» свой черновик о Вильнюсе: «Пять лет назад посреди января в городе расцветут каштаны. И анютины глазки в вазонах под тающим снегом» [3, с. 169]. Герой сказки по имени Нёхиси представляет

зимние грозы, он бы «раскрашивал блестящей золотой краской самые ветхие двери подъездов, прятал подарки в пустых цветочных горшках, менял булыжники мостовой на круглые зеркала» [3, с. 170]. Таким представляется Вильнюс героям вышеупомянутой сказки.

Отметим, что столица современной Литовской Республики – не мертвый и статичный город; он постоянно разный, что и доказывают рассказчик и Тони из сказки «Улица Ашмянос (Ašmenos g.). На сдачу» [1]. Два чудаковатых приятеля рисуют на асфальте и рассуждают о карте города, которая каждый день появляется на стене, но ночью дождь смывает рисунок. «Поэтому по утрам приходит дежурный художник и рисует новую карту. Он, конечно, не очень-то помнит, что было на вчерашнем рисунке, да и не старается вспомнить, а просто чертит как бог на душу положит. Но туристы все равно могут ей пользоваться: пока художник рисует новую карту, город меняется в полном соответствии с ней» [1, с. 10 – 12].

В связи с идеей о меняющейся карте города из сказки М. Фрая «Улица Ашмянос (Ašmenos g.). На сдачу» [1] любопытно упомянуть и о родившейся в голове у бездомной собаки карты запахов Вильнюса в романе литовского прозаика, драматурга и публициста Р. Гавелиса (R. Gavelis, 1950 – 2002) «Вильнюсский покер» (“Vilnius Poker”, 1979 – 1987) [4]. Вот что по этому поводу «думает» собака: «Запахи Вильнюса образуются слоями: прикладывая усилия, вы можете вынюхать даже самые старые, даже те, которые уже растворились в глубине веков. Древние запахи нельзя выветрить; казалось бы, что вонь бензина должна бы перебить все, но нет, вы принохиваетесь и принохиваетесь, затем нюхаете тщательно, и, наконец, понимаете, что перекресток Старого города пахнет старой кровью и закоренелой ненавистью, еврейской любовью и польской честью» [4]². Более того, собака улавливает, что даже самое новое здание, построенное, например, на месте особняка, распространяет огромное количество запахов, как своих собственных, так и предшественников. В мире городских ароматов древние особняки представляются более подлинными, чем новые здания. Время никак не связано с запахами города.

Так в голове у бездомного пса рождается карта запахов Вильнюса, однако, не статичная, а подвижная и гетерогенная: «А затем я вдруг обнаружил, что город меняет свой запах. <...>. Оказалось, что палитра запахов города нестабильна. Его запахи играли в непонятную мне игру. <...>. Существует <...> знакомая **карта запахов города**. <...>. Она может изменяться и расширяться, возвращаясь снова и снова к своему исходному состоянию [выделено нами. – Д.П.]» [4].

В Вильнюсе нестабильно не только пространство, но и время как таковое. Так, рассказчик сказки «Улица Палангос (Palangos g.). Например, позавчера» [2], лег спать в субботу первого сентября, а проснулся в субботу четырнадцатого июля. После субботы четырнадцатого июля наступил вторник

² Перевод англоязычных цитат из романа Р. Гавелиса «Вильнюсский покер» здесь и далее наш. – Д.П.

пятого июня, а «шестое августа поставило рекорд, наступив трижды в течение одной недели» [2, с. 141].

Однако, как указывает рассказчик сказки «Улица Антоколскё (M. Antoloskio g.). Шесть чуд» [2], Вильнюсу «вообще все к лицу» [2, с. 14]. И действительно, лестница в небо, мост между землей и небом, снег в июле, команда иллюстраторов заката, Черный Ветер, красные, желтые и синие голуби, прозрачные птицы свэллу, блуждающие зеркала, люди, танцующие синий, красный, белый, желтый и другие цвета и прочее – все это, кажется, имманентные черты города, который «не построен на месте вырубленного леса, как прочие человеческие поселения, а пророс сквозь лес, почти его не потревожив» [2, с. 88]. Тем не менее, как отмечает рассказчик Стас из сказки «Улица Соду (Sodu g.). Самый страшный страх» [2], «трамвай – единственное, чего не хватает этому городу для полного совершенства. А, ну еще и моря» [2, с. 340 – 341].

Иногда Вильнюс становится предметом переживаний и волнений. Так, в сказке «Улица Соду (Sodu g.). Самый страшный страх» [2] рассказчик беспокоится, понравится ли его сестре, приезжающей в гости, Вильнюс: «Скажет, что он слишком маленький? Слишком тихий? Безнадёжно провинциальный? С другой стороны, до сих пор обаяние этого города действовало на всех его гостей» [2, с. 335]. Примечательно, что сестра Стася – по приезду – заявляет: «Боже, Стас, в каком же прекрасном городе ты поселился, хитрюга! Всегда знала, что у тебя губа не дура. Захапал себе самый удивительный город на земле, знай наших» [2, с. 334]. Воображение Стаси таково, что она в Вильнюсе видит и синюю черепицу на крышах, красный дом с росписью из живых русалок, речные кафе на плотках. Оказывается, в городе еще есть улица Синих Звезд, улица Лисьих Лап, улица Сиреневых Дев, Вчерашняя улица, площадь Трех Ветров, где продают грушевый сидр, яблочный сыр, пчелиный хлеб. На этой площади установлены зеркала, которые изменяют возраст. Самое интересное, что по всему городу находятся зеркальные тенты, причем «под таким тентом сесть надо, чтобы заметить. Снаружи обычные полосатые, а снизу обшиты осколками зеркал» [2, с. 344]. Стася отмечает, что все «сделано очень аккуратно, никаких швов. И каждый задравший голову посетитель может любоваться своим многократно повторенным отражением. Потрясающий эффект. Глаз не отвести» [2, с. 344].

Однако иногда литовская столица – это еще город домовых духов, а именно линчетто (сказка «Улица Вильняус (Vilniaus g.). Оставайтесь с нами» [2]). Линчетто – маленькие итальянские домовые, которые проникают в дом через замочные скважины. Вот с каким чувством юмора описывает рассказчик способ избавления от этих существ: «Самый простой и надежный способ избавиться от линчетто – встать с постели, включить свет, приготовить бутерброд с сыром и сесть на ночной горшок, специально поставленный в дальнем углу комнаты. В такой позиции следует съесть бутерброд и сказать вслух: “Чтоб ты провалился! Я ем хлеб с сыром, а линчетто пусть провалится!”» [2, с. 55]. Согласно автору данного «заклинания», линчетто должен исчезнуть, чтобы никогда не возвратиться.

Итак, Вильнюс в «Сказках...» представляется магическим, волшебным и теплым местом; «даже тому, кто прибыл в Вильнюс утром текущего дня, вдруг начинает казаться, что вон за той деревянной дверью без номера – дом его детства, или съемная квартира студенческой юности, или, к примеру, бывшая бабкина квартира, куда приезжал каждое лето на каникулы, пока были живы старики <...>. Некоторые любопытные смельчаки все же решаются задержаться и даже постучать в бывшую **свою** дверь [выделено автором. – Д.П.]» [2, с. 115 – 116].

Литература

1. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса: [рассказы] / М. Фрай. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – Том 1. – 384 с.
2. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса: [рассказы] / М. Фрай. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – Том 2. – 480 с.
3. Фрай, М. Сказки старого Вильнюса: [рассказы] / М. Фрай. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – Том 3. – 480 с.
4. Gavelis, R. Vilnius Poker (Kindle Edition).